Сад бабочек

...продленный призрак бытия...
Набоков

1

Вот бабочки — набросками с натуры,
Поспешными мазками на шелках
Возводят свой шедевр архитектуры:
Движенье крыл, похожее на «ах!».
Из воздуха — ступеньки и часовня,
Песочные часы на солнце бьют;
И куколка-родня и куколь-ровня
Растут и строят крохотный уют.
Их зодчество с ваянием незримы,
И, может быть, поэтому они
Прекрасны столь, сколь неостановимы
Мгновения... постой, повремени!

Ведь бабочка не зря собой рискует,
Макая в воздух крылышко, и вот
Она уже сама себя рисует,
И на рисунке явится не всуе,
Но выпорхнет на нём — и оживёт.

2

Из воздуха скорей — два лепестка
Порхающих: так в баночку с водою
Прозрачною художника рука
Обмакивает кисточку, но с тою
Лишь разницей, что в пустоте сухой
Смешались капли, и цветная дымка
Струится, не мутнея, — вот покой
Почти фотографического снимка!
Ведь невозможно жест остановить
Подвижной кистью, время упуская;
Здесь нужен штрих, тут надобно ловить
Мгновение, чтоб выяснить, какая
На самом деле жизнь была в тот миг...
Но как мне обозначить то мгновенье?!
Всё кажется, что я его настиг...
Так в темноте ещё мерцает блик,
Когда внезапно гаснет освещенье.

3

Вчерашний день: не пойманный — не вор?
Но ощущенья памятные мнимо
Вернут мне замутнённый страстью взор,
Что купиной горел — неопалимо.
Прозрачной тенью дрогнувших ресниц,
Сомкнувшихся, сказавших «да, согласна»,
Живая жизнь, не сохраняя лиц,
Уходит в тень иную ежечасно.

О! — бабочка ночная свой хитин
Ещё не весь успела на пол скинуть,
Ажурнейший хитон из паутин,
Чтобы желаньем чутким смог я вынуть
Её потом из кружева, извлечь,
Помочь расправить воздух, обладая
Формующейся где-то между плеч
Крылатой тьмой, которую сберечь
Не сможет утром комната пустая.

4

Так невидимка пудрится, в щепоть
Сложивши пальцы, бабочка в которых
Трепещет, обозначивая плоть
Бесцветную, пыльцу сухую в порах
Воздушных оставляя... Все цвета
Переберёт жестокая: ей мало
Оттенков только с этого куста
И с этого... Так бабочка порхала
На пудреницах летних — чуть жива —
По прихоти красавицы незримой,
Которая намечена едва —
Лишь для того, чтоб не казаться мнимой.
И розовая сыплется пыльца,
Лиловая и жёлтая, но всё же
Она ничем не выдаёт лица,
Не сообщая очертаний коже...
И Замысел не ясен до конца.

5

Я думаю, у бабочки внутри
Находится — как в коконе — другая,
А в той — ещё одна... Итак, их три.
И так они летают, помогая
Друг другу удержаться на весу...

А если крылья первая и сложит,
Вторая расправляет их: спасу!
И третья им двоим всегда поможет.
Кто оболочка здесь, и кто — душа,
Что плотью тяготится? Чьё тут бремя,
Где — крыльями махая и маша —
Из вечности выпархивает время?!
Ведь что-то там, в груди у нас, даёт
Надежду, что и мы не одиноки,
Но совершаем гибельный полёт
Внутри Кого-то большего, Кто сроки,
Отпущенные нам, продлит вот-вот.

6

Не нужно ссылок: всякий сам поймёт,
В каких силках ты прежде побывала
И сколь опасен смертный перелёт
Из ангельского аэровокзала,
Из жизни в жизнь — который год уже —
Проскальзывая там, где, вероятно,
Протиснуться возможно лишь душе,
Не думающей, как попасть обратно.
Зазор таков, что профилем крыла
Психея западает в мир, подобно
Тому, как амальгама — в зеркала,
Самих себя рисуя нам подробно.
А здесь, где нашей жизни недолга,
Нельзя бессмертье рассмотреть дотошно:
Я не гляжу — и нету двойника;
А если есть — меж нами та фольга,
Которую мне вынуть невозможно.

7

Во тьме лабораторной, от лучей
Сиюприродных прячась — как в утробу
Небытия, которую ничей
Не проницает взор — любовь ли, злобу
Равно таящий; в душной тесноте
Уединенья, унеся с собою
Все краски жизни, отбирая те
— там, в темноте, — которые судьбою
Как будто предначертаны (потом
все так и будет выглядеть); во мраке
Египетском, хитиновым бинтом
Опутана, сердечные тик-таки
Взяв за основу времени, — она
Себя осуществляет, оболочку
Меняя, целый мир: и явь от сна
Неотделима, перерождена
В крылатую строфу, в живую строчку.

∞

Остановись, сравнение! Постой,
Метафора души, метаморфоза
Аморфной жизни в мертвенный покой
Беспамятливого метемпсихоза!
Пусть легионы бабочек летят —
По эту жизнь, вытягивая сяжки
В грядущее, — туда, куда возврат
Немыслим... Ведь рождённые в рубашке
Крылатые создания — и те,
Из достоверных выбравшись волокон,
Обречены на гибель в пустоте,
Которой не понадобится кокон.
Да будет многоярусным их сад,
И флот их — многопарусным, — какому
Мир многогрустный, я надеюсь, рад, —
Как пастве той, что — от небесных стад
отпав — припала к пастбищу земному.

Выставка

1

Да нет, не из-за похорон.
Обычная хандра. Простуда.
И стены — с четырёх сторон.
Жизнь лишена, ты знаешь, чуда.
Отстань. Да всё пройдёт само.
В музей? Не знаю. Впрочем, ладно.
Тем более что не накладно.
Мане, ты говоришь? Ах, Мо!

2

Повесьте вместе два пальто.
Я так и знал, что будет давка.
Что Пруст, когда повсюду Кафка.
Вот мы пришли сюда — и что?
Полно знакомого. Не всё, но…
И вообще, глазеть вдвоём…
Ух ты, аж с берегов Гудзона!
А вот и Живерни — живьём.

3

Кровосмешение мазков,
Их полыханье, колыханье:
Где мир, что вовсе не таков,
И смрадное его дыханье?
Подробный рай, и то не весь,
Кистями вылеплен упруго…
Поссориться с тобой, подруга,
Мы умудрились даже здесь.

4

Не обижайся, извини,
Прости, я сам себе не верю,
Свою недавнюю потерю
Угадывая в той тени.
Полотна потакают слёзам:
Гляди же, как формует пар,
Произнесённый паровозом,
Стекло вокзала Сен-Лазар.

5

Смотри, как девушки в саду
Сидят, обмениваясь платьем
С густой сиренью, красоту
Которой всё не увидать им.
Здесь нужен посторонний взор,
Чтоб разглядеть в холсте пологом,
Как небо, вогнутое логом,
Оврагу выгнуло узор.

6

Ты так обводишь языком
Свои обветренные губы
— слезам так увлажнить тоску бы! —
Как мастер контуры мазком.
Всё благостно вполне, однако
Не слишком ли болезнен лоск,
Что отворяет вены мака
И розе вышибает мозг.

7

Здоб. Одойдём и боздоим.
Я звой бладог оздавил дома.
Бозволь возбользуюзь двоим.
Чихадь на эдо. Эгцехомо.
Ну вот. Как сыро в январе.
Продлим же мраморное лето
Москвы, совокупленью цвета
Дивясь, искусственной жаре.

8

Ещё немного отойдём —
И плоскость, явленная глазу,
Всё уплотняясь, но не сразу,
Приобретёт лесной объём.
И там, где на коре берёзы
Сердечко процарапал Поль
Иль Пьер, уже подсохли слёзы,
В глубинах гулких пряча боль.

9

Вот матовое полотно —
Без ласки чувственного блеска,
Хотя оно увлажнено
До вёсельного переплеска.
Где светотень? — причал, туман…
И чайки, плача, закричали,
Собой, в отчаянье печали,
Обозначая первый план.

10

Должна же где-то перейти
В себя саму пустая рама,
Где ни трагедия, ни драма
Не встанут поперёк пути.
Тебе такая вещь знакома?
Вот небо вывернуто на-
изнанку синью водоёма,
А подлинная — не видна.

11

Не плотоядные холсты
И не холёные полотна —
Над ощущением тщеты
Душа возвысилась бесплодно:
Тут пламя стянуто в пучки,
Что пышет, в тяге бесполезной,
Японским мостиком над бездной,
Вселяя бешенство в зрачки.

12

Осмотр окончен. В гардероб.
Мы в тесноте, но не в обиде.
Предстанет где-то в лучшем виде
Недавно мной несённый гроб.
Живыми помнятся мне лица…
Пройдут иные два часа:
В твоих глазах, в иных — продлится,
В моих захлопнувшись, краса.

Вырица

А. С. Кушнеру

Каждый парус намокший размотан —
Вот удача для дачных регат!
Многомачтовый ельник... и вот он,
Перепончатокрылый фрегат.
В зафрахтованной летней скворешне
Ослепительный дождь переждём,
Пусть недвижен кораблик наш внешне —
За туманом и этим дождём.

Будет призрачной он невидимкой
Для незрячих, не зрящих его.
Вся веранда окутана дымкой
Сизой хвои. Хвощей вещество.
Не ветрами кораблик сквозными —
Только лапами елей гоним.
Шевелится ли хаос под ними?
Шевелится. Под ними, под ним.

Не морской, но укроется ёж в ней —
В кроткой буре, заплыв за пеньки.
Разве снасти дождя не надёжней
Одиссеевой прочной пеньки?
Нас привязывать к стульям не нужно —
Мы пожарной и «скорой» сирен
Понаслушались, чувствуя дружно
Милой палубы гибельный крен.
У распахнутых окон стояли —
Без руля, без ветрил, без кормил,
Где-то струны дрожали в рояле,
Кто-то клавишей стаю кормил.
И, взобравшись на борт к Одиссею,
Через вырицкий дождь и туман
Так и плыли компанией всею...
Через реку времён, Океан.

Провинция Империя

Огромный мост — и жалкий ручеёк.
Ни больше и ни меньше — Арджентина.
Рассчитан на поток, что нынче — ёк.
Безрадостная, доложу, картина.
Хотелось целиком его пройти...
Проковылял две трети — спёкся, жарко.
И видно — ерунда в конце пути:
Там не найти
Ни церкви, ни жилищ, ни просто парка.

Присел и выпил граппы. Таджа, ты
Мне Римский мост сулила — ведь сбылось же!
Что ж берега практически пусты?
Полны ли были прежде? Будут позже?
Кусты да камни. Сбродится ль когда
Во что покрепче муторное сусло?
Иль нет надежд, что горная вода
— вольна, горда —
Заполнит по весне сухое русло?
Вот котлован, а паводков — увы.
Простор, где уместиться можно горю.
Почти не поднимая головы,
Ползёт водичка... Господи, да к морю!
Что ж сразу я туда не поглядел,
Где лишь гряда летучая нависла,
Как виадук... Теряется предел.
О том радел?
Обид же нет! — Но нет стыда и смысла.

Капелла Медичи

Закрылся от мира плечом,
От собственных черт, от резца ли
— отрадней не знать ни о чём —
Вот День, чьи понятны печали.

А Ночь беспробудная спит.
Но локоть, но угол колена!
В ней дремлют уколы обид?
Тоска, избежавшая тлена?

Покой — и кромешная жуть.
Здесь даже к Младенцу тянуться
Не в силах скорбящая Та,
Что с Новорождённым — Пьета.

И Вечер страшится заснуть,
А Утро не может проснуться.

Библиотека

С. А. Лурье

Аллея колонн, не дающая тени.
Ведущие к бывшему порту ступени.
Но море на шесть километров ушло —
Чтоб не возникало у шлявшихся праздно
Войти в те же воды пустого соблазна
Умершему здесь Гераклиту назло.

Мы к портику, лучшему в мире, ей-богу,
Подходим, порогу, осилив дорогу...
Но время давно отчеканило: цельсь! —
В стремленье каверны из мрамора высечь:

Ни свитков — а было двенадцать их тысяч,
Ни цельного зданья, что выстроил Цельс.

И воздух один поселился навеки
Во внутреннем дворике библиотеки,
В ларце пустотелом. Случайный турист,
Четыре примерно отмерил я метра
Под свист и сипенье асийского ветра —
И был небосвод безучастен и чист.

Вот так и закончится книжная эра.
Фасад монитора, экрана химера —
Затоптанный толпами наш палимпсест.
Не полости каменной, в сущности, жалко:
Пускай пустота! — пустота, а не свалка!
Присутствие неких отсутственных мест!

Мне нравилось это безмолвие, эта
Зыбучесть теней мозаичных и света,
Их пегая шкура на пыльном полу...
Величье? Пожалуй. И — да, благородство.
Всю богооставленность нашу, сиротство
Прочувствуй — и, смертный, воздай им хвалу.

Всё схлынет, как море. Все люди, все свитки.
История — что это? Только убытки.
Но ты ведь, свидетель красы и тщеты,
Гулял тут, курил, поминал Гераклита...
Любой позабыт, но Ничто — не забыто,
Покуда есть каждый, покуда есть ты.